

Издание подготовлено и осуществлено при поддержке
 Научного фонда (Коллективный исследовательский проект
 «Учитель — Ученики» № 10-04-0003) и факультета
 философии НИУ ВШЭ

Автор и биография, письмо и чтение. Сборник докладов / ред.-сост. Ю. П. Зарецкий, В. П. Лихачев, А. Ю. Зарецкая ; Нац. исслед. ун-т «Высшая школа экономики». — М.: Изд. дом Высшей школы экономики, 2013. — 252 с. — 150 экз. — ISBN 978-5-7598-1054-4 (в обл.).

В сборнике в широком междисциплинарном контексте обсуждаются актуальные проблемы изучения авторства, биографии, читателя. Статьи сгруппированы в два раздела: «Теория» и «Анализ». В первом акцентируется внимание на теоретико-методологических вопросах изучения биографии и автобиографии; во втором рассматриваются конкретные авто/биографические тексты и конкретные фигуры исторических персонажей — от Античности до XX века. В приложении дается история творческого пути крупнейшего современного исследователя автобиографии Филиппа Лежена, а также библиография его работ. Книга в первую очередь адресована научным работникам, преподавателям и студентам гуманитарных дисциплин: историкам, литературоведам, антропологам, психологам. Она также обращена к широкому кругу читателей, интересующихся историей и теорией автобиографии, культурой итальянского Возрождения, историей русского Раскола, изучением личных свидетельств.

ISBN 978-5-7598-1054-4

© Коллектив авторов, 2013

© Оформление. Издательский дом Высшей школы экономики, 2013

СОДЕРЖАНИЕ

От редакторов.....7

Т Е О Р И Я

Елена Никитина

Авторство как коммуникативная роль.....11

Юрий Зарецкий

Новые подходы к изучению свидетельств о себе в европейских исследованиях последних лет.....24

Вадим Менжулин

Биография философа: изучать нельзя не изучать.42

Инна Голубович

П.М. Бицилли о феномене автобиографии и «биографический поворот» в современной гуманитаристике.....62

А Н А Л И З

Александр Харченко

Образ и биография Луция Сергия Катилины: от мифа к мифу.....81

Владимир Селиверстов

Проблема фиксации субъективности на примере Vita Альберти.....107

Роман Гуляев

Буржуа или рыцарь? Скрытый сюжет «Хроники» Бонаккорсо Питти.....119

Niebuhr B.G. Lectures on the history of Rome, from the earliest times to the fall of the Western Empire. Vol. III. London: Walton and Maberly, 1853.

Stern E. von. Catilina und die Parteikämpfe in Rom der Jahre 66 — 63. Dorpat, 1883.

The conspirators, or, The case of Catiline. Part II. By the author of the first part. London: printed for J. Roberts, 1721.

Voltaire F. Catiline // Voltaire F. From the works of Voltaire. A contemporary Version / trans. William F. Fleming. Vol. IX. Part 1. New York: E.R. DuMont, 1901. p. 225—289.

Waters K.H. Cicero, Sallust and Catiline // Historia: Zeitschrift für Alte Geschichte. 1970. Vol. 19, № 2. S. 195—215.

Wilkins A.Th. Villain or hero. Sallust's portrayal of Catiline. New York: Peter Lang, 1994.

Yavetz Z. The failure of Catiline's conspiracy // Historia: Zeitschrift für Alte Geschichte. 1963. Vol. 12, № 4. S. 485—499.

Владимир Селиверстов

Проблема фиксации субъективности на примере *Vita* Альберти

1. Проблема «Жизнеописания»

По мнению Якоба Буркхардта, Леон Баттиста Альберти (18 февраля 1404 — 20 апреля 1472) являлся «универсальным человеком» (*uomo universale*), воплощением идеала итальянско-го Ренессанса. «Универсализм» в творчестве Альберти заключался в том, что он преуспел во многих областях искусства, науки и литературы: круг его интересов распространялся от архитектуры и живописи до шифрования и коневодства. Глава из книги Буркхардта «Культура Возрождения в Италии» [Буркхардт, 1996, с. 87—110], в которой впервые описывается образ «*uomo universale*» по сути, строится на тексте «Жизнеописания» *Vita* Альберти, в котором — опять же, по мнению Буркхардта — последний представлен как образцовое воплощение человека Возрождения.

Так ли это на самом деле? Многие знают работы Альберти, его диалоги «О семье», но сколь много мы знаем о нём самом?

«Жизнеописание» — единственный документ, который может ответить на эти вопросы. Написанное Альберти или кем-то ещё (то ли в 1437, то ли в 1438 году), оно является основным источником информации о его жизни. В данном исследовании мы сосредоточимся на тех её эпизодах, которые находятся в эпицентре этого исследования.

Центральный эпизод «Жизнеописания» связан с детством Альберти и начинается он со смерти его отца. Если верить его тексту, с этого момента родственники Леона должны были перечислять средства, положенные ему по завещанию. Однако они не только не следовали установленному законом порядку, но,

дабы завладеть наследством, даже пытались убить мальчика. Они не видели смысла в его научных изысканиях и презирали его. Именно эти темы и легли в основу сюжета «Жизнеописание». Как пишет Альберти, «были такие среди его близких, которые, зная по опыту его [Альберти] гуманность, благожелательность и щедрость, замыслили против него несказанные преступления, забывая о всякой благодарности, и составляли чудовищные заговоры в его собственном доме, подстрекая наглых слуг варварским образом зарезать его» [Альберти, 1935]. Диалоги Альберти «О семье» (1434–1441), в которых он наметил основные положения своей гуманистической этики, были посвящены как раз его родне.

Вообще, следует отметить особо роль «автобиографического» в творчестве Альберти. Так или иначе, все его рассуждения пронизаны автобиографическими мотивами. Как пишет Э. Гарэн, «исток этих мыслей — в его трудных и неоднозначных взаимоотношениях со своим знаменитым родом, к которому он привязан семейными узами, который он, по сути, боготворит, к которому он был бы горд принадлежать и который его отвергает, гонит, презирает» [Гарэн, 1986, с. 176].

Для понимания контекста исследования нельзя не сказать, с чем именно контрастируют рассказы о взаимоотношениях Леона с родней. Дело в том, что после этих рассказов на страницах «Жизнеописание» мы наблюдаем то, как наш герой преобразается из мученика в борца, преодолевающего все преграды. В этот момент автор биографии окончательно дистанцируется от своего героя и превращается в Диогена Лаэртского, нахваливающего деяния Леона и цитирующего его лучшие изречения. Именно это часть жизнеописание и позволяет многим исследователям заявлять, что Альберти не был его автором. Однако, если мы всё же предположим обратное, то проблема также состоит в том, что мы не можем точно определить точно, где автор даёт волю своим подлинным воспоминаниям и чувствам, а где начинается литературная игра и вымысел. То же можно сказать и о «Книгах о семье», однако там такая путаница объяснима, поскольку в этом произведении мы вправе ожидать то, что автор не

всегда может приводить в пример свой личный опыт¹ и пользуется какими-то абстрактными примерами.

Таким образом, мы имеем дело с многослойной проблемой. Является ли Альберти автором «Жизнеописание»? Если да, то в чём его авторство проявляется?

Теперь, когда ключевые вопросы сформулированы, пора поговорить и о методологии. Дело в том, что когда мы имеем дело с проблемой фиксации субъективности героя автобиографии эпохи Возрождения, то в самой формулировке этой проблемы заложено множество вполне самостоятельных проблем. Пожалуй, ключевой из них является проблема перевода, т.е. трансляции современных дискурсивных исследовательских практик в контекст эпохи Возрождения. А конкретнее, она заключается в том, насколько правомерно использование для описания ренессансной субъективности моделей, которые были установлены во второй половине XIX века? С одной стороны, эта проблема отсылает нас к историко-философскому релятивизму, сторонники которого незамедлительно отметят (в содержательном плане — довольно справедливо), что как таковой концепт сознания начинает оформляться со времён Декарта и что, следовательно, любые трактовки ренессансной мысли в ключе новоевропейской философии будут являться странными и некорректными. Проблема заключается ещё и в том, что чисто психологический анализ (пусть даже и в философском ключе) не будет исчерпывающим, т.е. те сугубо личные мотивы, которыми руководствовался автор (в данном случае, Альберти), не могут служить единственным материалом для полноценного исследования и понимания того, что стоит за текстом автобиографии. Для проведения такого исследования необходимо учитывать также социальные и историко-культурные факторы, которые зачастую с необходимостью обуславливают непосредственно эту, так сказать, «чистую психологию».

¹ Так, Альберти пишет о том, что ему еще не знакомо любовное чувство, но в своей апологии брака и семьи сетует по поводу множества неженатых представителей рода Альберти. Реальный же Баттиста так никогда не женился, что отчасти объясняется его вступлением на путь духовного лица.

2. Кто автор?

Учитывая эти и другие вышеупомянутые соображения, мы возвращаемся к нашей теме, а именно к первому из наших вопросов. В самом деле, краеугольным камнем всего нашего исследования является все же до сих пор не до конца разъясненная проблема авторства «Жизнеописания». Первый издатель этой работы, Лоренцо Мехус, рассматривал его только как анонимную биографию Альберти. До нас сочинение дошло в трех рукописях, и во всех трех Альберти не значится в качестве его автора. Впервые оно было названо автобиографией А. Бонуччи [Вопшци, 1844] в 1844 году, и по сей день большинство исследователей творчества Альберти признают авторство этого сочинения за ним. Как замечает в своей статье К. Эненкель [Эненкель, 2001, с. 79], на это существует два веских основания. Во-первых, в тексте содержится достаточно много довольно личной, детализированной информации о жизни Альберти (например, сведения о его любви к пению на природе с родными ему людьми или о его болезни во время учебы в Болонье). Во-вторых, некоторые фразы из текста напоминают отдельные пассажи из других работ Альберти. Тем не менее, данные основания вряд ли можно считать достаточными для того, чтобы можно было окончательно признать его авторство: «Оба этих основания недостаточно убедительны: если автор был родственником, другом или учеником Альберти, он вполне мог, зная “личные детали”. Сходство фраз, в свою очередь, может быть вызвано тем, что автор жизнеописания знал работы Альберти: они многократно цитируются в тексте» [Эненкель, 2001, с. 80].

Таким образом, на данный момент сосуществуют обе точки зрения на проблему авторства рукописи «Жизнеописания». Данное произведение, скорее, носит статус условно принадлежащего перу Альберти. При этом некоторые учёные продолжают критиковать факт признания авторства рукописи за Альберти. Однако равно как у сторонников признания авторства рукописи, так и у противников этого признания примерно сходятся

² Наиболее известные работы: [Watkins, 1957, p. 101-102], [Fubini, Menci Gallorini, 1972, p. 21-78], [Garin, 1993, p. 361-376].

позиции относительно той литературной традиции, к которой принадлежит «Жизнеописание», изобилующее разного рода «мудрыми» изречениями Альберти. Это делает его, как уже отмечалось, стилистически схожим с «Жизнью и изречениями знаменитых философов» Диогена Лаэртского, в котором изречения греческих философов приводятся с одной единственной задачей: представить их авторов как людей экстраординарных и даже странных, чьё поведение отличается от поведения обычных людей. Очевидно, что автор жизнеописания находился под сильным впечатлением от сочинения Лаэртца. Вполне возможно даже, что сам Альберти во время написания своей автобиографии хотел изобразить себя подобным философам прошлого и подчёркивал странные аспекты своей личности, необычные действия и высказывания. Весьма показательным в данном случае сходство описание героя «Жизнеописания» с описанием Сократа у Лаэртца: подобно Сократу, Альберти стойко и терпеливо сносит оскорбления и унижения со стороны его родственников; для героя Альберти также характерна знаменитая сократовская игра слов, когда, притворяясь в собственном невежестве, он разыгрывал своих оппонентов и т.д.

На наш взгляд, вне зависимости от того, считает ли кто-то, что Альберти является автором «Жизнеописания» или нет, дискуссия на этот счёт должна продолжаться. Ведь на кону не просто какое-то формальное установление отдельного исторического факта, который удовлетворит все стороны, участвующие в дискуссии, и все ее участники разойдутся, а редакторы без зрения совести смогут, наконец, вписать или не вписать нужное имя автора в публикацию очередного издания «Жизнеописания». На кону — продвижение в разрешении важной эпистемологической проблемы, а именно проблемы того, как можно определить, зафиксировать, понять другую субъективность. Причем, говоря «другую», я не только имею в виду просто субъективность другого человека, но и человека из другого времени, иной тип субъективности.

3. Два образа Альберти

Сделав все необходимые допущения, мы теперь можем перейти к следующему вопросу: как мы можем доверять тексту Альберти? Его биографии, представленные в научной литературе, как правило, основываются на «Жизнеописании», однако у нас нет гарантии того, что автор последнего пытается представить истинный ход событий. В связи с этим возникает еще один вопрос: какими же всё-таки методами мы можем воспользоваться для работы с этим таинственным документом? Должен ли это быть сугубо текстологический анализ? Казалось бы, что так и должно быть, раз наша проблема так или иначе завязана на анализе текста. Но как мы можем опираться исключительно на эту методологию, если проблема фиксации субъективности как таковая не может ограничиваться лишь этим, так как имеет глубокие философские, культурные и исторические корни и отсылки. Сторонники текстологического подхода очень любят бранить исследователей за их «оторванность» от текста, подобно тем редакторам исторической точности в отношении истории философии, которые критикуют философов и историков философии за то, что те упускают в своих исследованиях разные, с их точки зрения любопытные (ну и, конечно же, важные) исторические детали. На мой взгляд, наиболее оптимальным подходом к исследованию текста Альберти является изучение тех приёмов, при помощи которых Альберти описывает себя и своё окружение.

Итак, каким же всё-таки сам Альберти себя рисует и какие приёмы использует для самоописания? Под «рисует» я имею в виду именно презентацию того образа самого себя, возможно, в каких-то принципиальных моментах отличного от того оригинала, который конструируется Альберти в его произведении. Так, говоря о себе в третьем лице и ссылаясь на свои достижения, изображая свой характер, он стремится показать, насколько он в действительности велик. Таким же он себя изобразил на небольшом овальном медальоне, выполненном ок. 1435 года на бронзовой пластине, который находится сейчас в Национальной галерее искусств в Вашингтоне. Любопытна та деталь, что, изоб-

ражая на нем самого себя, он пользовался техникой двух зеркал. Если продолжить сравнение автобиографии и автопортрета, то такая техника в переводе на язык литературы представляется довольно занятной. Возможно, такая скрупулезность в автобиографии объяснялась бы тем, что он пытался скорее выделить себя самого из различных характеров и масок, некоторые из которых он сам на себя надевал; выделить себя из идеального себя. Именно перечислением этих черт, конструирующих образ Альберти, мы и продолжим наш рассказ.

Особый интерес для исследования личности Альберти, его психологических особенностей представляет выбор итальянским гуманистом его собственной эмблемы — крылатого глаза. Эта эмблема изображена в автопортрете Альберти (рис. 1). На нём Альберти изображен в образе римлянина. Слева от его головы как раз и расположен крылатый глаз, (этот символ отсылает к египетской иероглифической традиции, где глаз символизировал бога). На обратной стороне пластины есть надпись, которая гласит: «Quid tum?» (Что с того? (лат.)). Эта надпись отсылает к Буколикам Вергилия, где мы можем встретить следующую строчку: «Что с того, что Аминт кожей темен? (quid tum si fuscus Amyntas?) Ведь и фиалки темны, темны и цветы гиацинта...» [Вергилий. Буколики. X, 39].

Сам Альберти ассоциировал этот символ с Богом, поскольку тот является «всевидающим». Однако глаз в свою очередь также часто ассоциировался с солнцем, с мифологическими богами. Наличие такого символа также интерпретируется и ассоциируется некоторыми исследователями с ролью отца в жизни и творчестве Альберти. В этом, кстати, нельзя не усмотреть некоторые психоаналитические коннотации. В частности, в «Книгах о семье» Альберти уделяет много внимания роли отца в воспитании сына и заботе о семье. Тем самым он признает те ошибки, которые совершил его собственный отец.

Vita и автопортрет на медальоне служат одной цели как с точки зрения выбора собственного имени, так и с точки зрения выбора персональной эмблемы. Альберти во многих работах любил именовать себя просто Леон. По-видимому, тем самым он пытался выразить как собственную значимость, так и те страда-

ния, которые ему пришлось пережить. Лев для него был величайшим и самым благородным животным, гордо шествующим среди остальных и не замечающим собак, лающих на него. Также лев был символом Флоренции, родного города семьи Альберти.

Безусловно, помимо различных способов конструирования себя при помощи разного рода символов (вроде льва или крылатого глаза), мы можем и в тексте найти примеры использования схожих приёмов. Дело в том, что в «Жизнеописании» Альберти показывает то, как он прошёл путь от нравственного идеала до идеала художественного. С моей точки зрения, первая часть Vita Альберти в гораздо большей степени сосредоточена на описании некоторых особенностей его личности, которые автор-герой невольно показывает читателю сквозь призму отношений героя с его родственниками. Как я уже говорил, автор разрывался между тем, что представить себя самого, но в то же время, представить идеал самого себя, который мог бы служить неким нравственным примером, в том числе, и для юного читателя. И, на мой взгляд, показывая своё взросление как прохождение через тернии (болезни, нищету, ненависть) к свету науки, он несколько увлекается в своем повествовании и как бы ненароком демонстрирует всю гамму своих чувств в тот период. Разумеется, элементы самовосхваления присутствуют и здесь, но если мы заключим их в скобки, то перед нами предстанет достоверный фрагмент его психологической жизни в этот период — второй, настоящий Альберти.

3. Альберти и его окружение

Не менее важно и то, как проявляется личность Альберти через описание отношений с его окружением. Форма, в которой написано «Жизнеописание», говорит о том, что оно, как и его знаменитые «Книги о семье», скорее, адресовалось его близким родственникам, или, по крайней мере, небольшому кругу друзей. Несмотря на все неприятности и унижения, которые сваливались на Альберти со стороны его родственников, он был очень

предан роду Альберти, и признавал только те знакомства, которые так или иначе были скреплены родственными узами. Поскольку у него не было детей, то, как предполагается, свою работу Альберти адресовал, в частности, сыну своего брата Карло, с которым он по-настоящему сдружился.

Даже в «Книгах о семье», как пишет М.А. Юсим [Юсим, 2008], нельзя не усмотреть наличия ряда мыслей и намёков, свидетельствующих о том, что многое из того, о чём пишет Альберти, так и или иначе берётся им из его личного опыта, личной биографии. Создаётся ощущение, что он постоянно ведёт диалог с каким-то собеседником: с самим собой или окружающими. Воспоминания раннего детства проглядывают в рассуждениях об опасности для семьи заразных болезней со ссылкой на эпидемию чумы в Генуе в 1407 г., которая, как предполагается, унесла мать Альберти и заставила его отца переселиться в Венецию. Тезис о пользе физических упражнений перекликается с рассказом о его необыкновенных атлетических достижениях, о которых рассказывается в «Жизнеописании». Через все диалоги проходит мысль о долге родственников помогать друг другу, и особенно — осиротевшим племянникам. В данном случае, здесь имеет место явная параллель с судьбой Альберти, которого, как мы уже знаем, с его точки зрения, презирали и ненавидели его родственники. Один из героев диалогов, умирая, обращаясь к сыновьям, говорит им, что добродетель важнее богатства, а также, что, хотя он оставляет детям необходимые средства, им придётся испытать трудности и лишения. Это опять же воспроизводит собственную историю автора. При этом он добавляет, что только жестокие и бессердечные люди не оказывают помощи своим. Любопытно то, как в обеих работах проводится противопоставление богатства и добродетели (по свидетельству Юсима, наиболее явно — в «Книгах о семье»). В «Книгах» Альберти как собственную мысль преподносит нам то, что добродетели как раз сопутствует бедность и, одновременно, склонность к наукам. Это — абсолютная калька с того, как прошло взросление самого Альберти. Лишённый своими родственниками достойного финансирования, он полностью погрузился в науку, иногда даже большой угрозой для здоровья. Далее, в «Книгах» он прямо пи-

шет об этом: «Занятия науками тоже, оказывается, подвержены множеству ударов фортуны: то ты лишаешься отца, то тебя преследуют завистливые, жестокие, бесчеловечные родственники: то на тебя обрушивается бедность, то с тобой случается какое-нибудь несчастье» [Альберти, 2008, с. 137]. Занятие наукой само по себе не пользовалось популярностью и благосклонностью у большинства жителей Флоренции. Именно поэтому родственники Альберти, верящие во всепобеждающую силу денег, не понимали пользу от его занятий, а главное, не понимали, за что им следует давать ему деньги.

Любопытно также не только то, как представлен в «Жизнеописании» работе сам Альберти, но и то, как он описывает общество — как систему жестокой несправедливости. Отчасти можно сказать, что он пытается таким образом представить ту жестокую среду, в которой может формироваться такой идеальный герой как он, т.е. здесь он противопоставляет себя жестокому обществу, являя образец нравственности. В работе он как бы отрешивается от общества, призирая и смеясь над его пороками. В то же время такая точка зрения некоторым образом противоречит его ранним высказываниями и, в частности, высказываниям в «Книгах о семье»: о необходимости единения, о ценностях общества, дружбы и семьи. Такое видимое противоречие скорее означает, что пример Альберти должен заставить самих людей следовать ему, объединяться вокруг него.

Вообще, надо признать, что отдельные личности — родственники, брат, кузены, друзья и политические союзники — представлены в работе как некоторые тени. Он редко называет кого-то по именам. Они как бы являются декорациями представления, в котором Альберти следует по пути самосовершенствования.

4. Фиксация проблемы

Как и в отношении некоторых других автобиографий эпохи Возрождения, так и в отношении текста Альберти существуют определенные психоаналитические теории, касающиеся анализа переживаний его автора. У такого подхода есть интересные след-

ствия. Например, Альберти в своей работе описывает свои переживания в виде внешних проявлений, поступков, которые он совершил или не совершил. Такой подход весьма близок той психологической и философской традиции, которая в XX веке именовалась бихевиоризмом. Бихевиоризм отстаивает идею о том, что у нас нет никаких достоверных доказательств существования внутреннего духовного мира человека, и мы лишь можем делать какие-то выводы о нём, исходя из его поведения. Альберти также большую часть работы выстраивает таким образом, чтобы читатель мог оценивать его героя с точки зрения совершённых им поступков. Однако, на мой взгляд, чисто психоаналитический анализ работы может служить лишь дополнительным, а отнюдь не ключевым элементом для оценки личности автора. Автобиография Альберти как фиксация его субъективности может предстать просто как своего рода нарцисстический хаос для современного психоанализа. Хотя сама работа может служить отображением психологического наследия той эпохи, которое должно подлежать критическому анализу.

Приведенные в этой работе соображения, на мой взгляд, способны некоторым образом прояснить предмет спора и внести посильный вклад в дискуссию об авторстве «Жизнеописания». На данный момент, пожалуй, наиболее важно зафиксировать саму проблему субъективности, возникающую в дискуссиях о его авторстве. Проигрывая различные варианты авторства рукописи и разного рода образов её автора и героев, мы расширяем не только спектр возможных подходов к изучению конкретного ренессансного текста, но продвигаемся в изучении проблемы субъективности вообще.

Литература

Альберти Л.-Б. Фрагмент анонимной биографии Леона Баттисты Альберти // Альберти Л.-Б. Десять книг о зодчестве. М., 1935. Т. I. С. XIX–XXIX.

Альберти Л.Б. Книги о семье. М., 2008.

Буркхардт Я. Развитие индивидуальности // *Буркхардт Я.* Культура Возрождения в Италии. Опыт исследования. М., 1996. С. 87–110.

Гарэн Э. Исследования о Леоне Баттисте Альберти // *Гарэн Э.* Проблемы итальянского Возрождения. М., 1986.

Эненкель К. Происхождение ренессансного идеала «Uomo universale». «Автобиография» Леона Баттиста Альберти // Человек в культуре Возрождения / Отв. ред. Л.М. Брагина. М., 2001.

Юсим М.А. «Книги о семье»: природа, вирту и примирение крайностей / *Альберти Л.Б.* Книги о семье. М., 2008. С. 320–331.

Bonucci A. Prefazione // *Leon Battista Alberti: Opere volgari.* Firenze, 1844–1849. Vol. 1.

Garin E. Leon Battista Alberti e l'autobiografia // *Concordia discors: Studi sul Niccolò Cusano e l'umanesimo europeo* / Ed. G. Piaia. Padova, 1993. p. 361–376.

118 *Fubini R., Menci Gallorini A.* L'autobiografia di Leon Battista Alberti: Studio e edizione // *Rinascimento* / *Rivista dell'Istituto Nazionale di Studi sul Rinascimento.* 1972, II, 12. p. 21–78.

Watkins R. The authorship of the «Vita anonima» of Leon Battista Alberti // *Studies in the Renaissance.* 1957. №4. p. 10.

Сведения об авторах

Аванян Гаяне Григорьевна — выпускница Отделения культурологии Факультета философии НИУ ВШЭ.

Вагина Мария Юрьевна — выпускница Отделения культурологии Факультета философии НИУ ВШЭ.

Голубович Инна Владимировна — доктор философских наук, профессор Кафедры философии естественнонаучных факультетов Одесского национального университета им. И.И. Мечникова.

Гуляев Роман Владимирович — аспирант Факультета философии НИУ ВШЭ.

Зарецкий Юрий Петрович — доктор исторических наук, профессор Кафедры истории философии Факультета философии НИУ ВШЭ.

Лежен Филипп — крупнейший современный исследователь автобиографии, глава АРА (Association pour l'autobiographie).

Менжулин Вадим Игоревич — кандидат философских наук, доцент Кафедры философии Национального университета «Киево-Могилянская Академия». 251

Морозова Ольга Михайловна — доктор исторических наук, доцент кафедры "Связи с общественностью" Донского государственного технического университета, Ростов-на-Дону.

Никитина Елена Сергеевна — кандидат филологических наук, доцент, старший научный сотрудник сектора психолингвистики Института языкознания РАН.

Роцин Михаил Юрьевич — кандидат исторических наук, старший научный сотрудник Центра изучения Центральной Азии, Кавказа и Урало-Поволжья ИВ РАН.

Селиверстов Владимир Валерьевич — аспирант Факультета философии НИУ ВШЭ

Толкачева Елена Владимировна — аспирантка МГУ.

Харченко Александр Александрович — кандидат исторических наук, инженер-исследователь государственного автономного учреждения культуры Ростовской области «Донское наследие», Ростов-на-Дону.